

Лев Власенко (www.refantasy.com), 2010

Рассказ написан на конкурс «Креатив 8» или «Таинственная
(перевернутая) бесконечность

Койки Безбородый против Отверженного Бога

Давным-давно, когда Солнце еще не было божеством, молодую Землю укрывали густые непролазные леса. Когда люди еще не были народом, и Поднебесная была разделена на враждующие царства. Когда привычка еще не стала обычаем, а обычай — ритуалом. Когда в горах жили великаны-людоеды, водяные затягивали неосторожных в илистые пруды, а душегуба преследовали не стражи закона, но мстительные призраки его жертв... В те далекие времена странствовал по устью Черной Реки, по царству Гарянь и Стрекозьим Островам одинокий шаман по имени Койки Безбородый.

1

Дождливым осенним днем Койки Безбородый познакомился с человеком по имени Четвертый Ли. Случись их встреча позже, и Койки равнодушно прошел бы мимо юноши в белых одеждах чиновника... Но Ли повезло, в тот вечер молодой шаман еще не понимал законов большого мира; совсем недавно он впервые покинул свою рыбацкую деревушку и был переполнен жадой странствий. Поэтому, завидев под придорожным деревом человека, Койки не схватился за оружие, а только с любопытством уставился на него.

— Посмотри, Курасно, — сказал шаман, обращаясь к сидящему на его плече ворону. — Что за чудак! Растянулся прямо на земле в такую слякоть... Разве ему не холодно?

Птица вместо ответа кляцнула клювом. Устроившийся под деревом юноша не пошевелился и продолжил неподвижно сидеть, словно не замечая растущую под ним лужу воды. Тело незнакомца сотрясала сильная дрожь. Его одежда должна была промокнуть и испачкаться, но она, словно заговоренная, продолжала хранить белоснежную чистоту.

«Совсем околел, бедняга», — подумал Койки.

Но стоило шаману сойти с дороги, как юноша в белых одеждах резко вскинул голову, сделавшись похожим на испуганное дикое животное. Увидев незнакомца, он засучил ногами по скользким древесным корням и попятился, едва не забравшись на облетелые ветви.

— Успокойся, — как можно мягче попросил Койки. — Я тебя не обижу.

Губы несчастного зашевелились, но шаман не услышал слов, обращенных к нему. Как выброшенная на берег рыба, человек в белом продолжал беззвучно открывать рот. Койки присел перед ним на корточки и начал собирать обломанные веточки. Сырое дерево никак не хотело зажигаться, но шаману все-таки удалось высечь искру и дрожащие язычки пламени зашелестели скручивающейся корой, с шипением облизывая влажный хвост. Койки довольно улыбнулся и спросил:

— Ты меня слышишь?

— Призрак! — запинаясь, выдавил из себя незнакомец.

При этом его выпученные глаза были наполнены таким ужасом, что Койки даже обернулся и поглядел, не стоит ли у него за спиной зловещий дух. Потом шаман понял, что незнакомца испугала его необычная внешность. В деревне Нупики-уси, где Койки вырос, все привыкли к нему.

Но молодой шаман помнил любопытные и испуганные взгляды соседей, которые встречались ему во время охоты или рыбной ловли. Мягкие женственные черты лица, вьющиеся каштановые волосы и большие карие глаза и среди мужчин-северян не были редкостью, но острый подбородок Койки был гладким и безбородым, а черная татуировка в форме полумесяца полностью скрывала губы и острыми краями касалась верхних скул, напоминая чудовищно широкую улыбку.

— Я не призрак, — заверил он чиновника. — Подсаживайся к костру, согрейся.

Лицо юноши в белоснежном одеянии исказилось. Более не сдерживая себя, он зарыдал, уткнувшись носом в широкие рукава. Койки смущенно отвернулся, дождавшись, пока его собеседник успокоится. Когда чиновник перестал шмыгать носом и протянул руки к костру, шаман осторожно спросил:

— Как тебя зовут?

— Четвертый Ли, — дрожащим голосом сообщил тот.

Койки ободряюще улыбнулся. Пристально глядя на юношу, он незаметно извлек из-за пазухи маленький черный камушек в форме слезы, в ушко которого была продета тонкая бечевка.

— Люди зовут меня Койки Безбородый, — представился шаман, поигрывая своим амулетом.

— Что у тебя с лицом? — спросил Ли.

Койки провел левой рукой по татуировке.

— Так у меня на родине принято, — уклончиво ответил он. — Ты поэтому меня испугался?

— Нет, — буркнул юноша и замолчал, тупо глядя в огонь.

— Хочешь есть? — спросил шаман.

— Нет...

Койки все-таки достал из заплечной сумки несколько кусков жесткого мяса и разогрел их над огнем. Четвертый Ли выглядел изнеможенным и исхудавшим, но не проявил к еде никакого интереса. Зато Курасно впился когтями в прочную ткань просторного одеяния шамана и требовательно щелкнул клювом. Ли уставился на птицу покрасневшими от слез глазами.

— Я знаю, кто ты, — внезапно сказал он. — Ты северный колдун! Такие как ты умеют разговаривать с демонами и духами.

— Ты прав, — признался Койки, — поэтому мне и сделали татуировку, и еще, потому что у меня не растет борода...

— Как ты очутился так далеко на юге?

— Я путешествую и собираю интересные истории. Мне кажется, тебе найдется, о чем мне рассказать.

Ли посмотрел на свои руки. Койки заметил, что кончики его изящных, непривычных к работе пальцев заметно подрагивали.

— Ты pomoжешь мне? Должен помочь! — взмолился Ли. — Ты первый, кто услышал меня за... О, боги, я уже не знаю, сколько времени прошло с той злосчастной ночи. Помоги мне, колдун, и я исполню любое твое желание, клянусь!

Дрожа уже всем телом, он встал перед шаманом на колени, ерзая в грязи.

— Сначала расскажи мне, что с тобой случилось, — предложил Койки.

— Хорошо, — отрывисто кивнул Ли. — Я расскажу.

Шаман подбросил в огонь влажного хвороста. Юноша глубоко вздохнул и начал рассказывать...

Жизнь была несправедлива к Четвертому Ли. Он родился и вырос в царстве Керим, в семье удачливого торговца. Его отец быстро смекнул, что на родине младшему сыну простолюдина без примеси благородной крови ничего не светит. Поэтому он решил, что если Ли не сможет занять высокое место на родине, то нужно пристроить его туда, где столь незначительному человеку удастся выбиться в люди. Выбор прагматичного торгаша пал на соседнее царство Гарянь. Ничем не примечательное захолустье, но стать сюцаем и получить там один из девяти правительственных рангов мог любой мужчина независимо от происхождения.

Ли прибыл в город Кая, столицу царства Гарянь, в приподнятом настроении. Ведь после недолгой учебы его ожидала купленная на отцовские деньги должность, а в мечтах он уже покорял благородных красавиц. Но женщины Кая не склонны были одаривать своим вниманием будущего чиновника, а подготовка к экзаменам на государственную службу превратилась в сущий кошмар. Товарищи-ученики постоянно высмеивали непривычный им акцент Ли, его манеры и одежду. Тут еще пошел слух о возможной войне между землями Керим и Гарянью — и Ли начали ощутимо поколачивать, будто враги подослали несчастного юношу выведать военные тайны.

Спустя месяц этих пыток, по недоразумению названных учебой, Четвертый Ли был сыт по горло мечтами отца сделать из него царедворца. Прихватив кое-что из вещей своих бывших товарищей (только чтобы покрыть нанесенный ущерб своему здоровью) Ли пустился во все тяжкие, пробуя жизнь уличного музыканта, оракула-самоучки и азартного игрока. Но и здесь удача не повернулась к нему лицом. Проиграв большую сумму, Ли вынужден был бежать из столицы. Он уже решил возвращаться с повинной к отцу, как начался сезон дождей, превративший дороги в вязкое

месиво. В поисках пристанища он забрел в покинутую рыбацкую деревню недалеко от морского побережья. Единственной ее обитательницей оказалась сварливая старуха. Промокший до нитки Ли едва ли не на коленях просил приютить его, но хозяйка была непреклонна...

— Скажи, а вы в ее доме говорили, — внезапно прервал рассказчика Койки, — у разведенного очага, да?

— Вовсе нет... — Ли мотнул головой. — Возле калитки. В дом она меня так и не пустила.

— Южане совсем позабыли законы гостеприимства, — скорбно проговорил шаман. — Продолжай, пожалуйста...

...Ли уже отчаялся разжалобить старуху и приготовился провести ночь в заброшенной лачуге по соседству, как вдруг старая ведьма лукаво улыбнулась и сказала: «У меня я заночевать тебе не позволю, но на холме позади деревни стоит дом, хозяйка которого будет тебе рада».

Когда неудачливый сюцай одолел крутой подъем, солнце уже зашло, и ночь опустилась на побережье. Дом, о котором говорила старуха, оказался на удивление опрятным и ухоженным по сравнению с заброшенной деревней. Теплый медовый свет проникал сквозь бумажные окна, а дверь была приветливо приоткрыта. На пороге измученного Ли встретила хозяйка — невесть как оказавшаяся в этой глуши девушка неземной красоты.

— Проходи в дом, путник, — ласково пригласила она. — Дай ногам отдохнуть...

Рядом с этой воплощенной богиней даже прокаженный горбун распушил бы хвост, а уж Ли (невзирая на недоразумение со столичными красотками) был в любовных делах не промах. Спустя всего несколько

минут он сидел рядом с хозяйкой дома на ярких подушках и пил вино. Щеки девушки краснели сначала от шуток гостя, а после уже от его поцелуев. Будь Ли трезв, он наверняка заподозрил бы подвох, но тогда он уже, как говорится, склонялся к алому, припадал к изумрудному... А когда ураган страстей улегся, неудавшийся чиновник заснул со счастливой улыбкой, чувствуя себя отомщенным за все свои горяньские злоключения.

Проснувшись следующим утром, Ли почувствовал, что лежит на чем-то холодном и твердом. Открыв глаза, он с ужасом обнаружил под собой потемневший от времени могильный камень...

— С того дня стоит мне заснуть — как снова оказываюсь на кладбище, — Четвертый Ли горестно вздохнул. — Каждую ночь мучаюсь кошмарами.

Было заметно, что долгий рассказ утомил его. Глаза юноши слипались, и он начал клевать носом.

— Откуда ты знаешь, что мучаешься кошмаром, когда спишь, а не когда просыпаешься? — с любопытством спросил Койки.

— Что? — не понял Ли.

— Ничего, просто размышляю, — улыбнулся шаман.

— Ты мне поможешь, колдун? — с надеждой спросил юноша. — Снимешь проклятье?

Койки Безбородый перемешал веткой тлеющие угли. Когда молодой шаман покинул дом и пустился в странствия он и предположить не мог, что так быстро найдет долгожданные приключения. Но в его мечтах не было никаких старух, красавиц и беспомощного исхудалого человека с заплаканными глазами...

— Расскажи мне, как найти рыбацкую деревню, — после недолгого молчания попросил Койки.

Неудавшийся чиновник начал объяснять, что от стоящего на перекрестке камня нужно повернуть налево и идти вдоль побережья, пока укрытый галькой берег не сменится крутыми скалами. Койки внимательно слушал и запоминал.

— Как же хочется спать... — пробормотал Ли.

Он сильно зажмурился, сонно зевнул и, продолжая что-то неразборчиво бормотать, прислонился спиной к древесному стволу. Его голова безвольно откинулась, глаза закрылись, и из груди вырвался глубокий вздох. И юноша исчез. Даже грязь на том месте, где он только что сидел, осталась не потревоженной. В тот же миг костер окончательно погас, пустив к небу таящую струйку прозрачного дыма.

2

— Захватывающая история, — заметил Койки, несколько не удивленный чудесным исчезновением Четвертого Ли. — Что ты об этом думаешь, Курасно?

Ворон посмотрел на своего хозяина и прокаркал:

— Ложь.

— Про кладбище? — удивился шаман.

Курасно издал клокочущий звук, напоминающий смех.

— Нет, про девушку. Или она была слепой, или уродиной, или он взял ее силой. Ни одна красавица добровольно не согласится делить ложе с этим чинушей.

Койки кивнул.

— Идем, — сказал он и поднялся.

— Куда?

— Искать деревню, конечно. И девушку.

Вскинув вещевой мешок на плечо, шаман зашагал по направлению, которое указал несчастный юноша. Ворон описал несколько кругов над осыпавшимся деревом и вернулся на плечо Койки.

— Когда ты решил уйти из Нупики-уси, старейшина прямо сказал мне: «Присмотри за ним, Курасно». Что будет, когда он узнает, что я позволил тебе рисковать, едва покинув дом?

— Какой уж тут риск? — удивился Койки. — Просто хочу поговорить с красавицей, послушать и ее историю.

— Вряд ли ты этим как-то поможешь сюцаю, — настаивал на своем Курасно. — Глупец попал в переделку из-за собственной глупости и похоти. Пусть сам и отдувается.

Койки спорить не стал. Четвертый Ли шаману не понравился: в его мелочной и недалекой душе было слишком много зависти и обиды на весь мир. Но пройти мимо чужого горя Койки Безбородый пока еще не мог. Ему только предстояло научиться молчать и бездействовать в ответ на чужую боль.

Курасно еще некоторое время пытался отговорить Койки но, увидев, что шаман пропускает его доводы мимо ушей, нахохлился и умолк. К вечеру Койки миновал дорожный камень, про который говорил ему Четвертый Ли. Когда-то камень отмечал границу между владениями соседствующих княжеств, а сейчас служил седалищем для усталых путников. Вечернюю тишину нарушал только скрип голых ветвей да далекое уханье рыбного филина — безраздельного властелина ночного побережья.

— Разве нельзя ночь переждать? — жалобно спросил Курасно.

— Нет, медлить не стоит, — шаман покачал головой. — Этот Четвертый Ли показался мне совсем изможденным. Еще нескольких дней он не переживет.

...Равнина закончилась — впереди простиралось бескрайнее море. Давным-давно, когда боги людей творили Стрекозьи Острова, они подняли исполинскую волну, которая с чудовищной силой накатила здесь на сушу. От того в этих краях побережье и было все изъедено крохотными заливами. Койки не удержался и решил прогуляться по берегу.

Ноги шамана глубоко проваливались в песок, вспугивая маленьких черных крабов и прочую вылезшую на берег морскую живность. Воздух был наполнен приторной вонью гниющих водорослей. Набегающие волны увлажняли прибрежную гальку, но не дотягивались до скал. Разноцветные полосы на камнях свидетельствовали о том, что временами вода поднималась и полностью скрывала берег. Далеко выдающийся в море утес привлек внимание Койки. Он напоминал зуб исполинского хищника, и было в нем нечто зловещее, таинственное.

Деревушка нашлась там, где и описывал Четвертый Ли, но она ничем не напомнила Койки дом. Северяне целыми родами селились в больших просторных домах сложенных из бревен, а лачуги южан были маленькими, приземистыми и хрупкими. Вместо еловых веток их крыши были укрыты тростником, а широкие окна оклеены рисовой бумагой. Без ухода и постоянного внимания такие жилища быстро приходили в негодность и разрушались. Судя по протекающим крышам, сломанной ограде и рваным дырам на месте окон Койки понял, что деревня давно заброшена. У крыльца единственного обитаемого и поддерживаемого в порядке здания стоял заросший мхом обелиск. Такие знаки ставили по приказу правительства возле жилищ образцовых семей.

«Мисахын и Хён», — Койки прочел вслух истершуюся надпись.

Пока он рассматривал камень, из дому показалась хозяйка дома — древняя старуха, согнувшаяся, словно придавленная грузом прожитых лет. Кряхтя и опираясь на кривую клюку, она приблизилась к ограде. Шаман

приветливо улыбнулся, и пожилая женщина бесстрашно посмотрела на его татуированное лицо.

— Здравствуйте, хозяйка, — Койки вежливо приветствовал старуху.

Та коротко кивнула в ответ.

— Люди называют меня Койки Безбородый, — неуверенно продолжил шаман. — Я путешествую по здешним краям и собираю истории.

В ответ он получил еще один кивок. Койки уже задумался над тем, не была ли его собеседница глухой или немой.

— А кто-то еще здесь живет? — спросил он.

— Нет, — хриплым голос отозвалась старуха. — Совсем деревня наша опустела. Одна я здесь свой век доживаю. Хён меня зовут.

— Где же все?

— А... кто где, — ее интерес к Койки начал угасать.

— Скажи, хозяйка, а есть ли у вас, где переночевать? Погода портится, боюсь ночью промокнуть и замерзнуть.

Хён подняла голову и равнодушно посмотрела на темнеющее синее небо без единой тучки.

— Можешь у меня на крыльце огонь развести и заночевать, — медленно протянула она.

— Я на холме позади деревни видел дом, — солгал Койки. — Вроде бы крепкий...

Женщина так посмотрела на него, что Койки стало совестно за свою неумелую ложь.

— Какой еще дом? — неподдельно удивилась она. — Нет там никакого дома. Стоял когда-то, да давно уж сгорел...

Койки еще раз поблагодарил старуху за гостеприимство и та, пожав плечами, вернулась в дом. Устроившийся на ограде Курасно громко каркнул.

— Почему ты не спросил ее о Четвертом Ли? — спросил он.

— Сначала я хочу посмотреть на сгоревший дом, — сообщил Койки.

Они миновали заброшенную деревню и начали подыматься на холм, где по словам Четвертого Ли и располагалось жилище таинственной красавицы. Вившаяся по склону тропинка заросла сухой ломкой травой. Вершину холма венчали невысокие молодые деревья, с которых еще не успела осыпаться золотая листва. У их корней и вправду чернели останки дома, за минувшие с пожара годы наполовину погружившиеся в землю. Койки внимательно огляделся в поисках следов. Он ощущал чужой страх, но не стал искать его источник. Шаман присел на поваленный, обросший мхом и наростами грибов древесный ствол.

— Что ты делаешь? — спросил Курасно.

— Устраиваюсь спать, — сообщил Койки.

— Ты так устал?

— Нет, я просто дожидаюсь темноты.

— Не советую. Побережье Гарянь — загадочное место, — предупредил ворон. — Когда-то морские волны вынесли здесь умирающих богов древнего, затонувшего мира. Их гниющие тела с тех пор привлекают сюда падальщиков...

— Которые могут прятаться при свете дня, но обязательно пробуждаются ночью, — кивнул Койки.

Вопреки собственным словам молодой шаман почувствовал, что долги день утомил его. Он протяжно зевнул, прикрыл глаза — и тут же провалился в зыбкую дрему. Ему снилась заброшенная деревня, но во сне дома были опрятными и ухоженными. Возле жилища старухи напротив

друг друга стояли две группы людей: мужчины в боевых доспехах при княжеских знаменах, и местные рыбаки, вооруженные гарпунами, сетями и прочей снастью, которой можно было воспользоваться как оружием. Удивительно, но рыбаки не только не боялись вооруженных воинов, но и громко спорили с ними. Как будто неведомая сила придала им отваги и зажгла в их глазах бесстрашный огонь.

Койки не мог расслышать, о чем люди спорили, лишь несколько раз один из воинов громко и отчетливо потребовал: «Отдавайте красавицу!». Потом он обнажил меч — и люди смешались, утонув в кровавом хаосе.

Старуха не соврала, выжившие и вправду покинули деревню. Бесцельно они бродили по побережью, падали от усталости, истекали кровью и умирали. Свидетелем их смерти был лишь возвышающийся над морем и берегом безучастной мрачной тенью одинокий утес.

3

...Когда шаман проснулся, деревья исчезли. Вместо них холм был обнесен высокой оградой. Дорожка, днем терявшаяся в разросшейся траве, теперь упиралась в калитку, украшенную затейливой резьбой. Койки осторожно толкнул ее — калитка оказалась не заперта.

— Подожди меня здесь, — попросил он Курасно.

— Если не справишься сам, я вмешаюсь, — предупредил ворон.

За оградой был разбит уютный сад, где благоухали пышные цветы и журчал рукотворный источник. У дверей приземистого домика стояла хозяйка. Четвертый Ли нисколько не приукрасил ее. Сам Койки привык к простой, естественной красоте и не признавал белил и красок для лица, но даже он был вынужден признать мастерство, с которым были подведены тонкие брови красавицы и накрашены тонкие губы.

— Здравствуй, путник, — улыбнулась девушка. — Ты должно быть устал. Не хочешь остановиться у меня и скоротать вечер за приятной беседой?

— Здравствуй, красавица, — Койки почтительно склонил голову. — Могу я узнать твое имя?

— Меня зовут Хва-Ми, — шаман заметил, что она удивилась этому простому вопросу.

— Люди называют меня Койки Безбородый, — он начал свое обычное приветствие. — Я странствую и собираю необычные истории. Мне кажется, рассказ о том, что делает так далеко от столицы столь прекрасная женщина, займет среди них особое место.

— Уверена, так и будет, — Хва-Ми ослепительно улыбнулась. — Но проходи, выпьем сначала вина.

Внутри дом был обставлен скромно, но изящно. Все вещи были маленькими и предназначенными для женских рук. Койки не заметил рыболовецких снастей, охотничьих или крестьянских инструментов. Судя по всему, необычная красавица жила одна.

— Присаживайся поудобнее, — Хва-Ми указала на разноцветные мягкие подушки.

Когда он уселся, девушка извлекла из шкафчика керамическую бутылку и две серые пиалы. Койки незаметно ослабил стянутую на поясе бамбуковую веревку.

— Угощайся, — она разлила вино и протянула полный до краев сосуд гостю.

Койки уже подбирал слова, чтобы как можно вежливее отказаться от угощения, как вдруг на женской половине дома что-то захлопало, и легкий ветерок коснулся волос шамана.

— Ох, должно быть сквозняк! — воскликнула девушка и поспешно поднялась. — Подожди, я сейчас...

Шаман едва заметно улыбнулся, не зря старейшина говорил, что Курасно славится своей сообразительностью... Пока Хва-Ми возилась с перегородками, Койки тихо вышел на веранду. Он поднес пиалу с вином к носу и принюхался. Оглянувшись и убедившись, что девушка еще не вернулась, шаман выплеснул содержимое сосуда на цветы.

— Или мертвой, — пробормотал Койки.

— Что? — спросил Курасно, устроившийся на жердях ограды.

— Или слепой, или уродиной, или мертвой, — шаман показал ворону свой талисман. Черный камушек в форме слезы заметно дрожал. — Девушка не в мире живых ходит.

Глаза ворона заблестели. Он будто бы хотел облизнуться и очень страдал из-за того, что не мог этого сделать.

— Злой дух или мстительный призрак? — жадно уточнил Курасно.

— Вот это мы сейчас и выясним, — сказал шаман. — Я оставлю дверь приоткрытой. Как только услышишь, что я громко прошу воды — влетай.

— Хорошо, только уж я себя сдерживать не буду, — предупредил ворон.

— Вот и славно.

Когда Хва-Ми снова вошла в комнату, ворот ее платья был ослаблен и из него самым бесстыжим образом выглядывало обнаженное плечо. Обворожительно улыбнувшись, она присела рядом и положила руку на колено Койки. Ладонь девушки была такой холодной, что это чувствовалось даже через толстую ткань. Шаман глупо улыбнулся и покраснел, прикинувшись, что уже успел осушить пиалу отравленного напитка.

Тонкие холодные пальцы начали гладить руки мужчины, приподняли его рукава, под которыми обнаружились вьющиеся черные линии татуировок. Койки против воли немного напрягся, что не укрылось от соблазнительницы. Девушка отпрянула, подозрительно глядя на улыбающегося шамана.

— Понравилось вино? — осторожно спросила красавица.

— Понравилось, — кивнул Койки и громко добавил. — Вот бы еще воды!

И в тот же миг в комнату ворвался неистовый ветер, едва не сорвавший приоткрытую дверь. Он закружил, завыл, захлопал огромными черными крыльями и налетел на съезжившуюся девушку. Хва-Ми закричала, прикрыв лицо руками.

— Убери его! — взмолилась она, перекрикивая гул ветра. — Убери, прошу тебя!

Койки размотал свой веревочный пояс и бросился на девушку. Красавица отбивалась изо всех сил, но справиться одновременно с шаманом и Курасно не могла. В конце концов, ворон сумел обездвижить девушку, придавив ее голову к циновке. Курасно вдвое прибавил в размерах, оцетинил отливающие синевой перья и угрожающе щелкал клювом в опасной близости от глаз красавицы. Когтистые лапы продолжали крепко держать Хва-Ми, пока Койки связывал ей руки и ноги. Обмотанная прочной бамбуковой веревкой она напоминала гусеницу, застрявшую на полпути превращения в бабочку.

— Вот так, — сказал Койки. — Теперь поговорим.

— Что тебе нужно от меня?! — простионала Хва-Ми.

— Курасно, ослабь хватку, — попросил шаман. — Я хочу знать, кто ты и зачем заманиваешь людей в ловушку.

— Да разве я тебя заманивала? — девушка приподняла голову, и Койки увидел, что она сдерживает слезы. — Мужчины ко мне сами приходят, всегда требуют вина... Я не знаю о том, что происходит с ними после!

Совсем не такого ответа он ждал от злобного призрака.

— После?.. — переспросил Койки. — Я тебя развяжу, но обещаю, что не попытаешься больше сопротивляться и ответишь на все мои вопросы.

— Обещаю, — закивала красавица и с ненавистью посмотрела на Курасно. — Куда уж мне с ним тягаться...

...Сколько Хва-Ми себя помнила, она всегда жила в этой маленькой рыбацкой деревушке. Прекрасное лицо и изящные руки не принесли ей счастья. В столице к ногам красавицы пали бы могущественные князья и суровые полководцы, но худородные рыбаки сторонились ее и провожали взглядами полными боязливого восхищения. Долети весть о дивной красавице до столицы — сам Император пожелал бы сделать ее своей женой. Но никто из деревушки ни словом не обмолвился о живущем по соседству с ними чуде. Словно боялись потерять сокровище до того дорогое, что и даже коснуться его казалось кощунственным.

Единственной подругой Хва-Ми была немногословная, грубоватая рыбачка по имени Хён. Часами она могла наблюдать, как красавица готовит еду или вышивает. Как мотылек стремится к огню, так рыбачка стремилась к непостижимой для нее, обжигающей красоте. Так продолжалось до тех пор, пока к Хва-Ми не повадился захаивать муж Хён, статный силач Мисахын.

— Я не хотела становиться его любовницей, — призналась Хва-Ми.

— Он принудил меня. Вбил себе в голову, что все женщины на свете влюблены в него, и знать не желал отказа. Совсем как твой друг-сющай...

— Четвертый Ли мне вовсе не друг, — заметил Койки.

— Я ничего Хён не сказала, — девушка продолжила свой рассказ. — Боялась, что следом за ее мужем ко мне другие мужчины повадятся. Но кто-то донес обо мне князю и тот прибыл поглядеть на красавицу «каких еще не видел белый свет»...

Девушка шмыгнула носом и потерла покрасневшиеся глаза.

— Я знаю, что потом случилось, — сказал Койки.

— Я ничего не видела, — призналась Хва-ми. — Мисахын отвел меня на утес. Он хотел бежать из деревни, но нас застала Хён. Я помню, как она меня толкнула...

Хва-Ми зажмурилась.

— Потом я очнулась в своем доме и с тех пор не могу покинуть его. Иногда приходят мужчины и... ночуют у меня. Я рада теплу, которое они приносят...

— Что с ними происходит? — мягко спросил Койки.

— Они крепко засыпают, и Хён забирает их. Мне кажется, виновато вино. Хён мне и вино тоже приносит, — красавица шмыгнула носом. — Ты теперь отдашь меня своему ворону, колдун? Ты так сильно меня ненавидишь?..

Лицо Койки исказилось от гнева. Не ответив на вопрос, вместо этого он хлопнул себя по ноге, вскочил и вышел прочь из обители призрака.

— Что теперь собираешься делать? — спросил Курасно.

— Нанесу повторный визит старой карге, — сквозь стиснутые зубы процедил шаман. — Сдается мне, у нее остались еще кое-какие истории!

...Забраться без спросу в чужой дом у северян было серьезным проступком, но Койки был зол на старуху и на себя, за то, что сразу не разгадал столь низкий обман. Перемахнув через покосившуюся ограду, он прокрался к закрытым дверям. Старое дерево заметно скрипело, и шаман решил забраться через окно. Мысленно попросив прощения у духов-хранителей ветхого дома, Койки осторожно снял хлипкий ставень с налипшими на него ошметками бумаги. Молодой шаман хорошо видел в темноте, но для верности извлек свой талисман. Черный камушек-слеза отражал лунный свет и превращал его в тусклое сияние.

Освещая себе путь, Койки как можно тише протиснулся в лаз, образовавшийся на месте окна. Внутри дом был таким же старым и ветхим, как и снаружи. В затхлом помещении витал неприятный запах увядания и тления. Стены потемнели от потеков, а углы начали покрываться мхом и бледными шляпками грибов. Как Койки и надеялся, старуха спала на женской половине, отгороженной плотной ширмой с истершимся рисунком горного пейзажа. Шаман чувствовал ее беспокойный, но глубокий сон, не потревоженный его появлением.

Он внимательнее осмотрелся и обнаружил, что дом завален самыми разными вещами. Здесь были и дорогие одежды, в которых щеголяли аристократы, и прочные доспехи, мечи, копья, луки, алебарды, и достойные княжеской сокровищницы серебряные пояса. И сапоги, в таком количестве, что хватило бы обути небольшую армию. Некоторые вещи еще дышали свежестью и новизной, другие явно пролежали здесь уже не одно десятилетие.

Шаман почувствовал, как испытываемый им жгучий гнев перерастает во всепоглощающую ярость. Никогда в жизни он не

чувствовал ничего подобного. Но и происходящее в этой проклятой деревне тоже переходило все границы.

Койки рванул из поясных ножен кинжал, отшвырнул расписную ширму в сторону... Не дав проснувшейся старухе опомниться, он придавил ее к полу и приставил к ее шее клинок.

— Ты! — выдохнула Хён, тщетно пытаясь сбросить с себя молодого шамана.

— Я! — подтвердил Койки. — Немного раньше, чем ожидала? Думала, явишься за мной после того как я хлебну сонного зелья? Не выйдет. Конец твоим преступлениям!

Он закончил тираду и шумно втянул воздух. Руки, державшие нож предательски задрожали. Глаза Хён были равнодушными, усталыми и отстраненными. Шаман чувствовал, как ярость и решимость начинают таять, безвозвратно ускользать как песок сквозь пальцы.

— Да слезь ты с меня! — задыхаясь, прохрипела Хён. — Не убегу...

Койки медленно поднялся, но не стал прятать нож. Старуха присела, поправляя ночную рубашку, свисающую с ее плеч как с деревянного пугала.

— Что тебя туда понесло? — спросила она. — Да еще ночью? Я ведь тебе сказала — нет там дома никакого, сгорел...

— Зато Четвертого Ли послала прямо в объятья призрака, — нахмурился Койки.

— Кто бы мог подумать! — всплеснула руками старуха. — Кто мог представить, что его хватятся? Были здесь люди поважнее: воины, аристократы, богатые торговцы... Никто их не искал. А придется головой поплатиться за какого-то сющая-недоучку...

В словах Хён страха не было, только облегчение присущее человеку, чей долго и тщательно скрываемый обман, наконец, завершился.

— Погоди голову подставлять, — Койки спрятал кинжал. Он уже понял, что не сможет убить старуху, несмотря на все злодеяния, что она совершила. — Сперва расскажи мне, зачем ты заманивала людей в ловушку?

— Да ты, колдун, и сам все понял, — отмахнулась Хён. — На земле нашей отродясь не росло ничего, а одной сети забрасывать, куда уж мне?

— Ты вымачиваешь вещи в соленой воде, — Койки понял, что за запах стоял в доме. — И продаешь, как будто их вынесло море.

— Сообразительный, — уважительно кивнула Хён. — И как такой умник связался с тем проходимцем в белом платье сюция?

Койки не ответил, он считал сапоги. Пятнадцать пар. Не считая тех, что предприимчивая старуха уже успела продать. Хён перехватила его взгляд и безрадостно улыбнулась.

— Жалеешь? — ее глаза оставались спокойными и непреклонными. — Напрасно жалеешь, колдун. Не стоят они твоей жалости. Разве узнав о красавице, живущей в глуши, кто-то из них бежал помочь ей? Нет! Все хотели только обладать, за то и поплатились.

— Неужели все люди охвачены похотью?

— Не все, — ответила старуха. — Иногда кто порядочный приходит, как ты...

Хён уважительно посмотрела на шамана.

— Но таким я наказываю обходить десятой дорогой дом Хва-Ми.

— Она рассказала мне, что сделал твой муж... — начал Койки.

Глаза старухи опасно заблестели.

— Вот как? Сказала, значит, как они обманули меня, скрывали свою любовь... Как решили совершить двойное самоубийство и броситься с утеса, когда наш князь вознамерился разлучить их? Это она рассказала тебе, колдун?!

— Нет... — глупо ответил Койки.

— Вот что я тебе скажу, — яростно прошипела старуха. — Или убей меня, или убирайся! Только не мучь больше!

— Но...

— Убирайся!

Старуха источала столько гнева и ненависти, что недавняя вспышка Койки была крохотной каплей в сравнении. Шаман поспешно попятился и выскочил за дверь.

Койки совсем запутался.

— Я тебя предупреждал, — Курасно опять принялся за свое. — Разве можно влезть в человеческие дела и в них сходу разобраться? Это тебе не выследить зверя или подсечь рыбу. Звери всегда, сколько не путают, оставляют одинаковые следы. Следы людей разные: и добрые, и злые, и злые с добрыми намерениями. Наверняка сам никогда знать не будешь.

— Сам не будешь знать... — пробормотал молодой шаман. — А ведь ты прав, Курасно. Одному мне ни за что не разобраться, что за беда случилась с этими людьми. Нужно спросить совета.

До рассвета было еще далеко, и Койки решил, что успеет. Он прилег на землю, подложив руки под голову.

— Хочешь увидеться со старейшиной? — спросил Курасно. — Так и знай, если прилетит речной филин — я удеру.

— Ничего... — шаман протяжно зевнул. — Я филина не боюсь.

5

...Когда Койки был маленьким мальчиком, он часто донимал взрослых вопросами как отличить явь от снов, ведь никогда не знаешь

наверняка — снится тебе что-то или происходит на самом деле. Сны прерывались пробуждением, но ведь и бодрствование заканчивалось сном...

«Сон можно отсрочить, — объясняли взрослые. — Когда ты должен всю ночь работать, то отгоняешь от себя сон. А вот проснуться раньше отмеченного срока сложнее. Мы решаем, когда приходит сон, но не нам решать когда он закончится... Ведь что есть смерть, как не вечный сон?»

Койки не соглашался. Он сам выбирал время пробуждения или, напротив, растягивал понравившийся сон. Однажды мальчик проспал целых два дня, и только мудрость старейшины не дала рыбакам возложить мертвого, по их мнению, ребенка на погребальный костер. Тогда старейшина Итаксир решил присмотреться к найденышу и узнал в нем шамана...

Койки провалился в сон, его дух оторвался от тела, освободился, взлетев над землей. Усилием воли юноша отогнал подступающие видения и сосредоточился на воспоминаниях о старейшине. Он представлял себе его обветренное жесткое лицо, пышную седую бороду, крепкие мозолистые руки и голос, похожий на раскаты грома. И, сам того не замечая, Койки начал идти на север, за один шаг покрывая огромное расстояние. Мимо проносились холмы, поля и леса, реки и озера, горные кручи и скалы... А он вспоминал мудрого Итаксира и деревню Нупики-уси, пока не оказался прямо перед хижинкой старейшины. Закрывающая вход шкура была приподнята, и Койки вошел в жилище своего наставника. Внутри ничего не изменилось — те же прочные стены, сложенные из тростника и бревен, те же циновки на полу и вышитые разноцветным узором полотна на стенах. Там же были развешены снасти и священные молитвенные палочки. Возле огня сидел старейшина Итаксир. Сильно сгорбившись, он был занят починкой рыболовецкой сети. Почувствовав

присутствие постороннего, старейшина поднял голову и тотчас увидел пришельца.

— Койки, ты вернулся! — радостно воскликнул старейшина.

Молодой шаман покачал головой. Лицо старого Итаксира посерьезнело. Он вежливо пригласил нежданного гостя к огню. Койки покорно устроился на циновке, старик присел рядом с ним.

— Что случилось? — спросил он.

— Старейшина Итаксир, со мной приключилась вот что... — Койки глубоко вздохнул и начал рассказывать обо всем, что слышал и видел с того момента как встретился с Четвертым Ли. Старейшина внимательно слушал его рассказ, поглаживая пышную белую бороду. — И вот что странно — все они говорят правду. Курасно тоже так сказал. Как такое может быть, старейшина?

Итаксир молчал долго, его пронизательные, мудрые глаза не отрывались от огня.

— Есть правда, — произнес он, наконец, — а есть истина.

— Разве может правда противоречить истине? — удивился Койки.

— Противоречить?.. Нет, не может, — кивнул старейшина. — Но истина подобна стене сложенной из многих камней.

Койки начал понимать, о чем говорит его наставник.

— Значит... чтобы узнать истину нужно собрать все камни?

Итаксир степенно кивнул.

— Старейшина Итаксир, а можно призвать дух погибшего мужа? — спросил Койки. — Его историю я еще не слышал...

— Попробовать можно, — согласился старик. — Ты знаешь его имя?

Койки вспомнил почетный знак у заброшенного деревенского дома, начертанные на нем имена и рассказ красавицы Хва-Ми.

— Мисахын, — произнес он имя мужчины.

Старый шаман начал приготовления к вызову духа. На голову он надел веревочную повязку со свисающими полосками медвежьей шкуры, в одну руку взял глиняный сосуд с рисовым пивом, в другой зажал ритуальную палочку, увенчанную пышной шапкой из древесной стружки.

— Отойди от огня и не приближайся к нему, — предупредил он Койки. — И ни во что не вмешивайся. Ты очень силен, но с духом из низших слоев преисподней без помощи Курасно тебе не справиться.

Койки кивнул. Он почувствовал себя виноватым перед старейшиной за то, что втянул его в эту опасную затею, но любопытство Койки (в свое время заставившее его покинуть дом) взяло вверх. Да и не мог Итаксир, будучи настоящим шаманом, отказать в помощи.

Крепко сжав палочку, старейшина начал медленно раскачиваться, его губы задрожали — и из груди послышался протяжный хрип, перешедший в стон. Двигаясь неторопливо и грациозно, старый шаман начал танцевать. Его стон перешел в свист, свист — в рев, рев стал шепотом, шепот — шелестом. Старик то гремел разъяренным медведем, то выл волком, а после шипел как змея. И даже когда молчал, то молчал рыбой. Молитвенная палочка плясала в его руках и выписывала в затхлом воздухе причудливые узоры. После каждого оборота Итаксир выплескивал на огонь содержимое сосуда — всего несколько капель — заставляя огонь яростно вспыхивать и шипеть.

Так продолжалось до тех пор, пока пламя не выросло, взвилось к кровле хижины ярким огненным столбом. Старый шаман замер и развел руки, его глаза закатились, а борода задрожала, ошетилившись как звериная шерсть. Койки наблюдал, как огонь извергает черный сгусток, в котором с трудом угадывалась человеческая фигура. Порождение

подземного мира ползло, извиваясь, как гигантский липкий дождевой червь.

Добравшись до старейшины, беспокойный дух обхватил его голени и начал взбираться по его ногам. Итаксир не пошевелился — и скользкая черная масса полностью обволокла его второй кожей. Губы старика дрогнули и раскрылись. Глухим, чужим голосом он произнес:

— Кто? Кто здесь? Кто призвал меня?

— Я, — Койки поднялся и выпрямился во весь свой немалый рост. — Люди называют меня Койки Безбородый.

— Чего ты хочешь, проклятая душа? — протяжно взвыл Итаксир. — Я не могу помочь тебе. Никто из подземного царства тебе не поможет!

— Я не прошу для себя помощи, — поспешно заверил его Койки. — Я сам хочу помочь тебе.

— Мне? — призрак пронзительно засмеялся, заставив языки пламени трепетать. — Мне уже не поможешь. Тело мое разбилось о подводные скалы, рыбы выели мне глаза, краб обглодал мои кости. Хоть я был слеп при жизни, но многое открылось мне, когда я освободился от оков земного тела.

— Расскажи мне! — Койки подался вперед. — Расскажи, как ты умер!

— Меня обманули и предали, — даже спустя полвека после смерти в голосе Мисахына звучала обида и горечь. — Моя жена Хён и красавица Хва-Ми вступили в порочный сговор, чтобы свести меня со свету. Обманом Хва-Ми заманила меня на утес...

Койки словно воочию увидел острый как нож каменный выступ над бушующим морем, пенные валы, накатывающие на камни и две человеческие фигурки, заставшие над бушующей стихией. Это были Хва-

Ми и Мисахын. Крепкие руки мужчины прижимали к себе красавицу и гладили ее длинные черные волосы.

— Мы сбежим, — шептали его губы. — Другие мужчины никогда не простят меня за то, что ты выбрала меня.

Койки смущенно отвернулся. Влюбленные были так увлечены друг другом, что не заметили поднимающуюся на скалу фигуру. Койки же сразу увидел ее, это была помолодевшая на полстолетия старуха. При виде влюбленных она застыла. Шаман чувствовал переполнившую ее ярость, ревность и жгучий стыд.

— Хён... — начал мужчина, и в этот момент красавица вырвалась из его объятий.

Она подалась к рыбачке, пытаясь что-то сказать, но Хён с искаженным от ярости лицом толкнула своего мужа. Мисахын поскользнулся, замахал руками, тщетно пытаясь удержать равновесие. В его глазах мелькнула страшная догадка. Рвущие воздух пальцы сомкнулись на руке Хва-Ми, увлекая ее следом — и два тела, столкнувшись, упали вниз. На острые скалы, укрытые белой шапкой морской пены...

Мужчина ударился о камни, расшибся, залил их своей кровью и застыл. Вывернутый, сломанный. А девушка... даже вода не была потревожена там, где ее коснулось прекрасное юное тело. Будто красавица слилась с бушующими волнами и бесследно растворилась в них.

— Так они завладели моим домом, да и всей деревней, — заключил призрак. — Теперь заговорщицы живут вместе и продолжают заманивать мужчин в ловушку. А мои кости подводным течением уж разбросаны по дну... Не было у меня ни костра, ни могилы, и не знать мне вовек покоя!

Призрак в последний раз содрогнулся и затих.

— Хён убила тебя из ревности? — спросил вконец запутавшийся Койки.

— Единственная... кого... она... любила... — призрак начал отпускать старейшину, скатываясь на земляной пол хижины черными потоками. — Это Хва-Ми!

— Постой! — вскричал молодой шаман. — Я не понимаю...

Но было поздно. Огонь затих, и от беспокойного духа остались лишь черные следы, ведущие назад к очагу. Старейшина Итаксир тяжело выдохнул и его руки обессилено повисли.

— Ты узнал что хотел? — спросил он.

Койки покачал головой.

— Ступай, — Итаксир махнул рукой. — Солнце восходит. Нельзя, чтобы его лучи застали тебя.

Молодой шаман еще раз поблагодарил наставника, потом вышел из его дома и побежал на юг. Он прыгал через камни, кусты и деревья, перелетал через полноводные реки и спокойные озера. Когда он проснулся — на побережье опустился туман. Густой и вязкий, как скисшее молоко.

6

На ветке над его головой неподвижно сидел Курасно. Остаток ночи ворон нес стражу над беззащитным телом хозяина.

— Ну что, убедился в моей правоте? — спросил он.

— Не совсем... — пробормотал Койки, протирая глаза.

— По-моему все ясно, — нетерпеливо заметил Курасно. — Все участники этой истории прогнили от пяток до макушки. Хочешь справедливости — убей старую каргу и отдай мне мстительный дух красавицы.

— Нет, — мотнул головой шаман. — Все не так просто.

«Они злопамятны и глупы, и ненависти в них предостаточно, — подумал Койки об обитателях злополучной деревни. — А те несчастные, кто стал их жертвами и сами были переполнены низменной похотью... И все сказанное, все увиденное мной в огне — правда. Но в ней недостает самого важного, того, что отделяет правду от истины».

— Подожди меня здесь, — попросил Койки. — Я хочу сходить на утес, где произошло убийство.

— Зачем?

— Когда мы только пришли сюда, я почувствовал в нем темную силу, — уклончиво объяснил шаман. — Возможно, ему тоже найдется, о чем рассказать мне.

Курасно нехотя отпустил его, и в молчаливом раздумье молодой шаман приблизился к утесу. Он не стал подниматься, а остановился у подножья, там, где берег встречался с морем. Койки посмотрел на острые осколки скал, вокруг которых пенились белые буруны, и задумался над судьбой несчастных, нашедших в этих беспокойных водах последнее пристанище.

«Ты стоишь здесь вот уже целую вечность, — мысленно обратился к утесу Койки. — Когда-то ты был гордой вершиной, но море пришло и захлестнуло тебя. Сточило твои корни и стерло края, превратив в острый выступ. Ты был здесь раньше первых людей, и ты видел, как они пришли сюда, как они любили и как они умирали. К тебе злая Хён приносила несчастных, павших жертвами ее обмана. Приносила, и оставляла как подношения...»

Койки запнулся и прошептал вслух:

— Подношения... жертвы!

Он понял, что наконец-то нашел ключ к разгадке тайны проклятой деревни.

«Я слышу тебя, шаман, — отозвался холодный камень. — Давным-давно я прибыл сюда из заморской страны вечности и нашел пристанище в расщелинах скал. Долго я спал, а люди, чувствуя мою силу, обходили утес. Но со временем они забыли, они перестали бояться. Они потревожили меня...»

Ветер налетел с востока, загудел, проникая в темные щели на каменном теле утеса. Койки, содрогнулся, но не бросился бежать, как приказывал ему низкий голос.

«За это я посеял в них семена зависти, зла и ненависти. Они убивали друг друга, и кровь смешивалась с морской пеной. Они ненавидели друг друга, и я торжествовал, наблюдая за ними из своего убежища. Я смутил их души и поглотил их плоть в отместку за потревоженный покой!»

— Покажись! — крикнул Койки.

Камень содрогнулся, и утес подернулся рябью от погруженного в волны основания до смотрящей в небо остроконечной верхушки. С жутким грохотом разделяющая скалу надвое расщелина начала расширяться. Койки отступил на шаг, держа вспотевшую ладонь на рукояти кинжала. Из темного недра высунулась длинная, покрытая жесткими черными шипами конечность, похожая на обглоданную кость. Затем вторая, третья... Наконец, показались крупные черные глаза, глубоко утопленные в панцирь. Краб-исполин покинул свое убежище, неловко перебирая всеми восемью ногами и щелкая огромными, массивными клешнями.

— Ты горько пожалеешь о том, что потревожил меня, смертный, — прогудел древний, забытый людьми бог. — Я выдавлю из тебя жизнь и

оставлю твое тело гнить на скалах. Чайки выключают твои глаза, черви размягчат твою плоть. Вот тогда я полакомлюсь тобой, дерзкий глупец!

Койки слушал угрозы чудовища, и внимательно разглядывал его белесую броню в поисках уязвимых мест. Закончив говорить, краб без предупреждения сорвался с места с неожиданной для столь массивного существа прытью. Раскрытая клешня вспорола воздух, едва не откусив шаману голову. Но Койки успел пригнуться, подскочил к выпуклому крабьему брюху и нанес удар. Клинок бессильно чиркнул о прочный панцирь, едва не сломавшись. Шаман отпрыгнул, избегая часто семенящих крабовых ног. Древний бог гулко, весело захохотал и начал теснить свою жертву к морю.

— Я утоплю тебя, — пообещал он. — Я отдам тебя рыбам! Рачки проберутся в твою голову через уши...

Шаман быстро снял пояс-веревку и сбросил темно-красное одеяние, оставшись в одной набедренной повязке.

— Тебе не уплыть от меня, — радостно загомонил краб. — Я буду идти за тобой по дну и ждать, пока силы не оставят тебя! Рыбы на морском дне станут терзать твою плоть!

Он встал напротив Койки и поднял к небу клешни, потрясая ими в предвкушении трапезы. Молодой шаман в это время хладнокровно вязал на веревке узлы, словно не замечая страшной опасности. Дождавшись, пока исполинский краб опустит конечности, Койки метнул в него получившуюся петлю. Краб попытался отдернуть конечность, но шаман уже потянул конец на себя, затягивая веревку на клешне — и сразу же бросился прямо под лапы чудовища, ловко уклоняясь от них и затягивая на теле древнего бога все новые петли. Краб попытался перекусить свободной клешней тонкую веревку, но не успел. Его ноги, как паутиной спутанные узлами, подкосились, и чудовище с грохотом рухнуло, глубоко

зарывшись панцирем в мелкую гальку. Шаман немедленно вскочил на него и ловко набросил последнюю петлю на беспомощно шарящую по земле вторую клешню.

— Я сварю из тебя суп! — закричал Койки, удерживая равновесие на сколькой поверхности панциря. — Я брошу тебя в котел, полный кипятка! Я молотом разобью твой панцирь и скормлю твоё проваренное мясо Курасно, а объедки брошу собакам...

Он изо всех сил продолжал тянуть на себя веревку, подминая ноги краба и не давая тому подняться. Мышцы на руках юноши вздулись и дрожали, заставляя покрывающие их татуировки по-змеиному извиваться. Наконец, краб перестал сопротивляться, издав протяженный стон, он поджал стянутые веревкой ноги, зарывшись ртом и глазами в гальку. Койки немного ослабил хватку и отдышался.

— Моя очередь сегодня рассказывать историю, — сказал Койки. — Я расскажу про тебя, несчастный, забытый всеми бог. Давным-давно ты явился в тогда ещё юный мир. В далекой заморской стране вечности ты жил в теплых волнах прибоя. Потом появились первые люди и стали поклоняться тебе. Они выходили в море на хрупких лодочках, а ты отгонял от них бури. И вы были счастливы.

Шаман почувствовал, что панцирь под его босыми ногами мелко задрожал.

— Но потом с небес сошли новые боги, боги людей. Они ударили копьем по водам бескрайнего моря, чтобы создать Стрекозьи острова. Поднявшаяся при этом гигантская волна, которую ты не сумел остановить, поглотила страну вечности. Твой народ погиб, а те, кто остался в живых после наводнения, обвинили во всем тебя и больше не выходили в море.

— Неблагодарные создания, — подтвердил краб. — Я полакомился их кишками за эту дерзость. Им следовало винить своих новых богов, а не меня.

— Ты прибыл сюда и нашел убежище в расщелине скалы, — продолжил Койки. — Но сделавшиеся ненавистными тебе люди потревожили твой покой. Чтобы избавиться от них из волн, ветра и морской пены ты сотворил себе служительницу, которая принесла раздор в жизнь рыбаков и погубила их.

Краб дернулся как от удара, но сбросить оседлавшего его Койки он не мог.

— Чего ты хочешь?! — проревел краб.

Койки отпустил веревку и спрыгнул на берег. Краб медленно, нерешительно поднялся и посмотрел на шамана с высоты своего исполинского роста. Он мог бы легко раздавить дерзкого человечка, подмять его под себя и дотянуться до сладкой плоти своим жадным ртом...

— Уходи, — попросил Койки. — Возвращайся в море, когда-то породившее тебя, найди покой под его волнами. Тебе некому больше служить или мстить. Уходи, забытый бог.

Краб заревел, изготовился к новому прыжку, сбрасывая с лап останки веревки...

— Остановись! — приказал звонкий девичий голос.

Волосы Хва-Ми разметались на ветру, она стояла на границе между берегом и морем, и ее маленькие ступни лизал прибой. Увидев девушку, гигантский краб замер и покорно опустил клешни.

— Ты ошибся, Койки Безбородый, — проговорила красавица. — Это я прибыла сюда из страны вечности. Я сотворила себе прислужника и

обрушила месть на алчных и злобных людей, предавших меня и надругавшихся надо мной.

Койки молчал. Древняя богиня смерила его взглядом.

— Ты очень силен, Безбородый. Ты подчинил себе могущественного властелина ветра, ты победил моего прислужника и разгадал замысел старой Хён, долгие годы приносившей мне жертвы. Мне не одолеть тебя, а значит, ты не можешь быть человеком.

Она пошла по берегу, и Койки видел, как ее прекрасное тело тает, превращается в творожную массу, напоминающую тофу.

— Мир меняется, — вздохнула Хва-Ми. — Люди, некогда чтившие меня как богиню, теперь поклоняются иным силам, способным защитить их. Мир отверг меня, но когда-нибудь наступит и твой черед, Безбородый. В день, когда людям не нужны будут больше шаманы, когда ты станешь забытым и потерянным — приходи искать покой на дне бескрайнего моря. Я буду ждать тебя там.

— Я запомню, — кивнул Койки.

Девушка подозвала краба. Тот подошел и поклонился ей, коснувшись земли. Хва-Ми легко запрыгнула верхом на чудовище, распрямилась и приказала.

— Идем!

Краб двинулся в море, погрузился в его беспокойные волны и поплыл на восток.

Койки хотел взмахнуть забытой богине рукой на прощанье, но тут кто-то оттолкнул его, едва не повалив. Это оказалась Хён. Разрывая на себе одежду, она бросилась следом за удаляющимся крабом.

— Не уходи! — взывала старуха.

Она забежала в воду и упала на колени. Ее крик напоминал вой умирающего животного.

— Не оставляй меня! — шаг за шагом, она заходила все дальше от берега и глубже погружалась в волнующееся море. — Я приведу тебе новых мужчин. Только не уходи, прошу тебя...

Койки отвернулся. Стенания старухи вскоре стихли — волны заглушили их.

...Холм, на котором некогда стоял домик Хва-Ми встретил Койки Безбородого шелестом осыпающейся осенней листвы. Приближалась зима, пройдет еще совсем немного времени и первый снег укроет обгоревшие останки дома, заброшенную деревню и выдающийся в море утес.

«Будь я здесь раньше, я спас бы не только Четвертого Ли, — подумал шаман. — Я защитил бы всех, кто стал пищей чудовищного краба. Я спас бы всех несчастных, кто попался в ловушку богини-соблазнительницы. Окажись я здесь раньше...»

На этот раз Койки не задержался у развалин, а прошел дальше, миновав рошу и останки ограды.

«...Люди могут быть коварными, как старая Хён, могут быть жестокими, как ее муж, могут быть мелочными, как Четвертый Ли, или легковверными, как я. Но в них нет Зла, которое подталкивает к убийству. Они глупы и не могут распознать волю древнего бога, требующего приношения кровью. Они тщеславны и полагают, что все желания исходят от них самих, а не навязаны им извне. Раньше они боялись воли темных сил земли и могли защититься от них, ныне же они забыли свои корни, потеряли и страх, и защиту».

На обратной стороне холма располагалось маленькое кладбище, где был похоронены жители деревни. Среди могильных плит свернулся клубком мужчина в белом платье сюая, изрядно перепачканном и кое-где

протертом до дыр. Его зубы от страха выбивали звенящую дробь в утренней тишине.

7

...Ли жадно ел наспех приготовленное мясо. Конечно же, он очень проголодался, ведь он ни съел ни крошки за те дни, которые провел, скорчившись на могильном камне. Когда желудок неудавшегося чиновника, наконец, наполнился, он довольно зажмурился и утробно срыгнул.

— Значит, я не возвращался на кладбище во сне, а наоборот, уходил оттуда только когда засыпал? — уже в который раз спросил Ли у своего спасителя.

Койки кивнул.

— Я догадался, потому что ты смог заговорить со мной только у разведенного костра, — объяснил шаман. — Огонь — это посредник объединяющий мир людей, мир снов и мир духов.

— Я ничего не знаю про твоих богов, но вижу, они могущественны, — уважительно сказал Ли. — Только... откуда мне знать, что я и сейчас не сплю?

Молодой шаман развел руками.

— По крайней мере, если ты сейчас спишь, я тоже сплю, — успокоил он сюцая. — Если уж беда любит компанию...

Молодой шаман задумался над тем, в какой странный и извращенный мир он попал. Раньше Койки жил простыми истинами. Между охотником и дичью не было лжи или лицемерия, правдой для них были шелест дождя, плеск воды, следы на снегу и птичьи песни. И только покинув этот естественный мир, где правил закон природы, Койки

впервые с ужасом осознал, что глядя на Солнце, человек может не видеть Солнца, и может верить в ложь, как в правду. Чтобы выжить среди таких людей и помочь им Койки должен был научиться думать и поступать, как они, и он с болью и горечью подумал о том, что та наивная, дикая чистота, которая раньше властвовала в его душе уже начала уступать место человеческим чувствам: лукавству, корысти и подозрительности. Потому что он согласился помочь Ли не без мысли о выгоде для себя.

— Помнишь, ты обещал исполнить любое мое желание? — спросил Койки. — Я ведь помог тебе...

— Жаль, мне нечем отблагодарить тебя, — поспешно заметил Ли.

— Если уж беда любит компанию, — упрямо повторил Койки. — Почему бы нам не продолжить путь вместе? Я направляюсь в столицу и буду рад помощи человека, который знает окрестности.

— А это правда, что беда любит компанию? — забеспокоился Четвертый Ли.

В ответ Койки только улыбнулся и сказал:

— Вот и проверим.